

Литвяк Олеся Валерьевна

аспирант, преподаватель

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»

г. Симферополь, Республика Крым

ИМПЛИЦИТНЫЕ СМЫСЛЫ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

***Аннотация:** в статье рассматривается поэтапное вычленение имплицитных смыслов, которые транслируют ценности, свойственные индивидуально-авторской картине мира в контекстах анализируемого художественного текста. Делается вывод о том, что приписывание значения происходит в случае распознавания имплицитности при наличии совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов; процесс имплицирования ценностей в художественном тексте реализуется также за счет нелинейных связей между единицами текста, способными продуцировать новое эмоциональное или смысловое содержание и др.*

***Ключевые слова:** имплицитность, имплицированные ценности, категориальные пространства, художественный текст, авторская модальность, персонажная модальность, языковая личность.*

В процессе создания художественного текста, представляющего собой сложный лингвокогнитивный и социокультурный феномен, автор организует имплицитные смыслы, их блоки и целостные структуры, отражающие ценностную картину мира языковой личности: «содержание текста мыслится как результат объективации психологической составляющей автора, его интересов, социального статуса, его представлений о ситуации общения и о читателе средствами языка» [1, с. 323]. Формированию наиболее полного представления об имплицитности художественного текста и имплицитном представлении ценностной картины мира автора способствует анализ категориальных пространств, включенных в художественный текст. Таковы образ автора, рассказчика или

повествователя; языковые средства, которые используются продуcentом художественного текста для создания семантического пространства; тип повествования; художественное пространство и время; персонажная сфера, мотивы, символы, концептосфера конкретного художественного текста; читатель как имманентно присущий художественной коммуникации субъект, равноправно участвующий в ней.

При восстановлении имплицитного значения анализ художественного текста предполагает ряд операций: восстановление из лакун (пропуски, недоговоренности, неясности, противоречия, нарушения норм коммуникации, обуславливающие возникновение имплицитного содержания) [4] в представлениях какого-либо уровня сознания, в том числе и языкового; извлечение дополнительной информации с учетом контекста, фоновых и прагматических знаний; дифференцирование замысла Говорящего и иных интерпретаций, производимых внешним по отношению к Говорящему сознанием; определение потенций высказывания, не реализованных в данном тексте («скрытого смысла»).

В частности, в анализируемом художественном тексте представлены контексты, которые требуют поэтапного вычленения имплицитных смыслов, транслирующих ценности, свойственные индивидуально-авторской картине мира и важные для любого читателя, – смыслы-экзистенциалы. Например: *«Мое одиночество не нарушали: никто не отважился зайти так далеко. Птицы прилетали на эту запретную землю и улетали – и ничего им за это не было. Потом из-под ограды с важным видом появился кот и уселся, облизывая лапу. И ничего»* [5, с. 13]. В данном фрагменте представлено описание внешнего мира, однако в большей степени свидетельствующее о мире внутреннем – одиночестве подростка, постоянных запретах в его жизни, отсутствии свободы и, самое главное, о недоступности того образования, того образа жизни, которые дает элитная школа представителям обеспеченного класса. В приведенном контексте о наличии имплицированных ценностей свидетельствуют различные языковые маркеры: *«на эту запретную землю»*, *«ничего им за это не было»*, *«с важным видом появился»*. Важно отметить, что данный контекст знаменует начало развития в

сознании героя идеи фикс преодоления запретов, нарушения границы, на первый взгляд невозможного, но такого желанного, а в дальнейшем и надежды на возможность проникновения в элитное общество.

В процессе декодирования имплицированной информации задействован целый ряд лингвокогнитивных механизмов. В этой связи актуальным становится вопрос определения критериев имплицитности художественного текста и их маркированности / немаркированности. Так, в ряду критериев предлагаются следующие: «1) принцип векторной контекстуальной соотнесенности (в аспекте центробежности / центростремительности); 2) принцип коннотативности; 3) принцип социокультурной обусловленности; 4) принцип экстралингвистической обусловленности; 5) принцип семантической наполненности и роли в реализации общего текстового замысла» [3, с. 185].

Текстовая импликация не может быть выявлена без учета сопологаемых друг с другом текстовых единиц, участие которых в *создании* имплицированного смысла позволяет отличать импликацию от других видов подразумевания (подтекст, эллипсис, пресуппозиция, аллюзия и пр.). Например: « – В классе у меня свои приемы, сэр, как и у вас, полагаю. А за его пределами я считаю своим долгом постичь любой профессиональный термин, с которым сталкиваюсь. Если умеешь быть красноречивым и добиваешься результатов, то не важно, следуешь ли ты последним инструкциям Министерства образования. Большинство родителей все равно ничего не понимают в преподавании. Единственное, чего они хотят, – знать, что не зря потратили деньги. Вы согласны?

Слоун хмыкнул. Он ценит искренность – настоящую или поддельную. На его лице отразилось сдержанное восхищение» [5, с. 41–42]. В приведенном контексте не представлены какие-либо виды подразумевания, однако присутствуют имплицитные смыслы, транслирующие ценности. Персонаж эксплицирует практически все собственные оценки происходящего, свидетельством тому выступает и его замечание «Он ценит искренность – настоящую или поддельную», однако смыслы-экзистенциалы, свойственные его системе ценностей скрыты для других персонажей и могут быть декодированы самим читателем. Прежде всего,

это не просто стремление к нарушению запретов, в том числе, объективированные в нарушении конвенциональных принципов общения, но и в стремлении ликвидировать систему элитарного образования, хотя и в одной отдельно взятой школе, с окончательной целью – сломать судьбу, а то и жизнь ничего не подозревающим преподавателям «Сент-Освальда».

В художественном тексте для имплицитного представления ценностей не менее значима тесная связь типа текста (описание, повествование и рассуждение) с авторской и персонажной модальностью, которая в анализируемом тексте манифестирована, прежде всего, служебными словами, вводными словами и конструкциями, различными формами условного наклонения, а также характеристикой собственных оценок автора. Например: *«Всего в нескольких футах от меня – дыра в изгороди. Замечательно. Я подбираюсь к ней, держась в тени, и протискиваюсь. Они могут подойти и справа и слева. А если подойдут с обеих сторон, то придется удирать. Мне всегда казалось, что взрослые забывают о случившемся, когда проходит время, и если получится быстро удрать, то меня не накажут»* [5, с. 14].

Особый случай имплицитного представления ценностей – включение в художественный текст немаркированной на письме прямой речи: *«Поднялся, конечно, жуткий переполох. Это просто позор, заявила миссис Андертон-Пуллит Пэту Слоуну, ведь школа должна обеспечивать ее сыну безопасность. Почему никто не присматривал за классом, когда у мальчика случился шок? Как мог классный руководитель не заметить, что бедный Джеймс потерял сознание?»* [5, с. 218]. С одной стороны, читатель вправе расценивать такие фрагменты как прямое указание на смыслы, продуцируемые в художественном тексте. Однако автор намеренно не включает в свой текст прямую речь для того, чтобы ввести дополнительные маркеры персонажной модальности («конечно», «жуткий», «заявила»), содержащей оценочность.

Имплицитное представление ценностей персонажа осуществляется и посредством развернутых метафор. Так, Роберт Честли использует в своей внутренней речи метафору *стол – корабль*, при этом второй член метафорического

сопоставления в данном контексте не представлен, но имплицированный смысл совершенно адекватно декодируется читателем с помощью маркеров имплицитности *«громадный», «потемневший от времени», «с верхней палубы»*: *«Мой стол не менее позорен: громадный, потемневший от времени, с бездонными ящичками и многочисленными надписями. Он стоит на подиуме – первоначально сооруженном для того, чтобы низкорослый учитель мог дотянуться до доски, – и с этой верхней палубы я могу благосклонно взирать на своих любимцев и незаметно решать кроссворд в «Таймс»* [5, с. 24].

Итак, художественный текст с необходимостью опирается на имплицитные смыслы, с помощью которых сохраняется его целостность. Экономия речевых усилий позволяет имплицитности способствовать осуществлению успешной коммуникации: «Имплицитность реализуется в виде определенных категориальных ситуаций (фреймов), в частности, намека, инсинуации, иронии, дискурсивного манипулирования и т. д. и носит маркированный оценочно-прагматический и конвенционально-культурологический характер» [2, с. 6]. Такой путь анализа имплицитных смыслов (от частного к общему), способствующих реструктурированию ценностной картины мира персонажей и автора, необходим для восприятия художественных текстов, характеризующихся локальной информационной неполнотой, которая может превышать допустимый «порог сложности». Дедуктивный подход к анализу текста позволяет оценить текст как знаковый объект, в котором происходят сложные процессы, раскрывающие саму природу имплицитности.

Список литературы

1. Аллен Дж.Ф. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании / Дж.Ф. Аллен, Р. Перро // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – С. 322–363.
2. Арустамян Ж.Р. Имплицитность как интеракциональная категория и механизмы её реализации во французском языке (на материале малого фольклорного жанра анекдота): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2011. – 24 с.

3. Макерова С.Р. Когнитивный механизм импликации и грамматические способы его реализации в художественном тексте: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – Майкоп, 2016. – 418 с.

4. Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – С. 176–189.

5. Харрис Дж. Джентльмены и игроки / Пер. с англ. Т.В. Старостиной. – М.: Эксмо, 2013. – 544 с.